

УДК 78.071.2(478)(092)
ББК 85.313(4Мол)6

ПРЕЗИДЕНТ СВОЕЙ МУЗЫКИ НАВЕЧНО (интервью с композитором Евгением Догой)

Федоров Михаил Иванович,
адвокат, писатель
(г. Воронеж)

Аннотация. Интервью с Евгением Дмитриевичем Догой посвящено жизни и творчеству этого прекрасного и любимого россиянами композитора.

Ключевые слова: Евгений Дога, творчество, музыка, патриотизм, любовь к Родине, матери.

PRESIDENT OF HIS MUSIC FOREVER (interview with composer Evgeny Dogoy)

Fedorov M.I., Lawyer, writer
(Voronezh)

Abstract. Interview with Eugene D. Dogoy dedicated to the life and work of this great and beloved by the Russians of the composer.

Key words: Evgeny Doga, creativity, music, patriotism, love of country, mother.

Часть первая

Жизненная партитура Евгения Доги

1

С Евгением Догой я познакомился несколько лет назад, когда приезжал на юбилейные торжества кинорежиссера Василия Панина в Москву, где бывал и композитор. На очередном мероприятии в Центральном Доме работников искусств в честь режиссера 3 апреля 2016 года даже вручил свою книгу «Василий Панин». Тогда Евгений Дмитриевич внимательно полистал том, а потом сказал: «Мы обязательно встретимся». При этом выразил желание посетить Воронежскую землю, на которой когда-то бывал. Он так и сказал: «Сколько там был, ни разу не выступал». Чувствовалось его желание выступить с концертом.

И вот, оказавшись в Москве, я звонил ему на домашний номер телефона, на номер сотового, а ни тот ни другой никак не отвечали. Василий Панин это объяснял загруженностью композитора, который все время в работе, в деле. В ЦДРИ на вечере на этот счет

Федоров с Догой 3 апреля 2016 года

сказал: «Время-то тикает, тикает. Много еще надо успеть».

В свой приезд 23 ноября 2016 года я, как обычно, остановился у Панина – это была среда – и зашел разговор о Евгении Дмитриевиче, Панин сказал: «Он здесь». Я набрал домашний номер, и Дога ответил. Я ему напомнил про вечер в ЦДРИ, про подаренную ему книгу, про обещание встретиться, на что композитор спросил:

– Сколько пробудете в Москве?

– Четверг, пятница, а в субботу уеду.

– Давайте, утром в пятницу мне позвоните, и мы договоримся.

В пятницу в 10 утра я позвонил, но Дога сказал:

– Да убегаю. Сегодня уж не получится.

«Конечно, он нарасхват!»

– Давайте попробуем завтра. Вы во сколько уезжаете?

«Надо же, помнит, что уезжаю в субботу»,

– удивился я и ответил:

– Поездом с Казанского вокзала в 16 часов 50 минут.

– Хорошо, звоните завтра в это же время.

В субботу утром я был у своего друга Валентина Германа и позвонил Доге.

Он сразу ответил:

– Приезжайте. У меня час есть. Откуда будете ехать?

– Я на Ленинском проспекте.

– Садитесь в первый вагон, едите до метро «Молодежная», выходите, идете... по длинному переход. Увидите дом с огромной вывеской «Крылатское», и во дворе...

Я поразился четкости изложенного маршрута. Это подчеркивало его черту во всем быть предельно точным.

– Часа вам хватит, – закончил Дога.

Я подхватил портфель, выскочил из дома друга и хотел было ехать на троллейбусе до метро «Юго-Западная», а оттуда на автобусе до Рублевского шоссе, но почему-то решил не рисковать: этот маршрут мне не был знаком, кроме того погода не располагала особо путешествовать: накануне выпал снег, и улицы превратились в каток. По скользким дорожкам осторожно

Метро «Молодежная»

поспешил на метро «Проспект Вернадского» и в вагоне метро ехал до «Библиотеки Ленина», там пересаживался и уже в начальном вагоне катил на «Молодежную».

Выйдя из метро, замер: куда идти? Вокруг нагромождение домов и никакого Рублевского шоссе, на котором жил Дога, не видно.

А я уже опаздывал.

Вспомнил маршрут, описанный Догой, и быстро следовал по нему вдоль высотных домов, огибая ямы, которые вырыли рабочие. Зима всюду в России начинается с порывов теплотрасс. Я искал глазами какой-нибудь торговый центр: нужно было купить хотя бы торт. Нельзя прийти к знаменитому артисту с пустыми руками. Увидев вывеску «Магнит», забежал в стеклянный магазин, купил в нем торт и уже шел более уверенно.

Рублевское шоссе

Выйдя на огромное поле, которое тянулось вдоль шоссе, увидел длиннющий переход.

Шел, балансируя на скользкой дорожке, и ругал московских дворников, которые не удосужились посыпать превратившийся в лед проход.

Мне было не по себе: и так отнимаю драгоценное время у Евгения Дмитриевича, еще и опаздываю.

По переходу пробежал над шоссе, которое двумя широченными полосами тянулось в разные стороны и удивляло своей незагруженностью. Обычно улицы столицы превращались в заторы из машин.

А выскочив из перехода, на торце высотного дома увидел вертикальную надпись «К р ы л а т с к о е». Облегчено вздохнул. Осторожными, но быстрыми шагами продолжал двигаться по скользкому тротуару.

Дом на Рублевке

2

Попетляв по двору, подскочил к подъезду в изгибе дома и, нажав на кнопку трехзначного номера квартиры, быстро произнес:

– Евгений Дмитриевич, это я...

Хотя кто «я» не успел произнести, как дверь щелкнула.

Я оказался в длинном, как рукав, подъезде, который раздваивался в разные стороны. Почему-то повернул налево, вошел в лифт, поднялся на лифте на седьмой этаж и только тут понял свою промашку: на дверях виднелись совсем иные номера квартир. Пришлось спуститься, и, уже поднявшись в лифте соседнего крыла, я заметил в длинном, как пролет, коридоре приоткрытую дверь и на ней нужную цифру.

Меня ждали.

Боясь, что просто развернут: ведь, опоздал на пятнадцать минут, произнес скороговоркой:

– Евгений Дмитриевич, да попал не в ту секцию...

– Надо направо...

Евгений Дмитриевич Дога в моркового цвета халате и серых шортах стоял в дверях.

Я заговорил, не останавливаясь:

– Вы же знаете, у Василия Степановича в мае инсульт был, – сразу же протянул торт.

– Что ты, что ты, – говорил Дога. – Давайте, раздевайтесь, у меня времени в обрез...

Этого я больше всего боялся!

– «Время-то тикает, тикает», – сказал я словами композитора, положил коробку на коврик и тут же притулил к полочке для обуви портфель.

Из коридора была распахнута дверь в комнату, и вправо уходил проход на кухню.

– И представляете, недавно тромб пошел. И рука черная, – я говорил, словно боясь услышать: «Время ваше исчерпано, уважаемый, попрошу на выход», – и потоком новостей пытался удержать композитора от такого шага, а сам разувался. – Летом Василий Степанович планировал в Воронеже встречу, но что-то наши власти не очень, да и он сам... Сейчас мыслили в декабре, но он: «Теперь до весны».

Я снял и повесил куртку.

Дога показал мне на тапочки. Я их надел и прошел за ним в комнату.

Справа стоял диван, дальше вдоль стены пианино, за ним стол с экраном телевизора на столешнице, проигрывателем и музыкальным центром. А слева сервант с книгами и нотами. У окна зеленели листочками домашние растения в горшках, а на стене в рамках висели фотографии.

Комната в квартире Доги

«Просто, просторно и уютно», — подумалось мне.

Показав на диван, я спросил:

– Можно сесть?

Дога кивнул и сам опустился на кресло качалку напротив.

– Разрешите фотографировать? — спросил я, достав из кармана цифровой фотоаппарат.

Но Дога:

– Да сейчас не время и не место...

Я положил фотоаппарат рядом на диван и продолжал:

– Да у Василия Степановича еще свои проблемы, как распорядиться квартирой. У него же ни жены, ни детей.

– Но у него же есть кто-то... — сказал Дога.

– Ухаживает за ним Людмила, как по отчеству не знаю. Они уж сколько лет вместе, но не женаты. И две сестры и брат — самые близкие родственники. А у него же квартира — иконостас! А как со всем этим? У меня друг поэт, так как только умер, все его творения на «мусорке» оказались, — я как бы заходил к разговору издалека.

– Ну, это не уникальная проблема, — сказал Дога. — Распространенная...

– Причем, жуткая. Все же рассчитывают, что по-человечески все разрешится, а тут... Я даже

фотографии у него забрал, чтобы не пропали. А Вы нашу книжку полистали?

– Да, да, книжка хорошая.

3

Я увидел, что уже вошел в некоторое доверие и:

– Евгений Дмитриевич! Вы же были на Воронежской земле и хотели там побывать, я вот написал письмо губернатору, что было бы неплохо пригласить Вас к нам... И что же мне ответила его чиновница? Что в этом году по финансовым соображениям... Мол, не окупится что ли... Но у меня и вопроса нет. Только объяви: едет Дога с концертом, отбою не будет...

Кресло под Догой закачалось.

ДЕПАРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ
ул. К.Маркса, 51, г. Воронеж, 394036
тел./факс (4732) 53-11-08
e-mail: kultur@govvrn.ru
ОГРН 1023601538234,
ИНН/КПП 366608262/366601001

20.05.2016 № 83-11/956

на № _____

М.И.Федорову

ул. Матросова, д.6 кв.88
г.Воронеж

Уважаемый Михаил Иванович!

Благодарим Вас за инициативу проведения в Воронеже концерта народного артиста СССР Е. Доги. Мы высоко ценим творчество знаменитого композитора, создавшего десятки песен и сотни инструментальных композиций.

Вместе с тем, учитывая сложную экономическую ситуацию, а так же ряд запланированных крупных мероприятий, проведение концерта Е. Доги в текущем году, к сожалению, не представляется возможным.

Руководитель департамента

Э.А. Сухачева

Чернышова
212-72-72

Ответ руководителя Департамента культуры
Воронежской области

Он вздохнул и:

– Это тоже не редкость. К великому сожалению, у руководства страной эти безнравственные люди, и у них нет...

Я кивнул, соглашаясь.

– Да пошли они в одно место! Деньги решают. Культура или нравственность?

– Палец о палец трудно ударить. Да ведь вывеска будет «Выступает Евгений Дога», толпа хлынет. Отбою не будет. Вот почему до сих пор Панин не снял фильм про Хохольскую землю? Да миллиона-двух не нашлось. Всего-то. А Василий Степанович уйдет, и никто не снимет. Вот в чем ужас.

Дога:

– А им и не нужно.

– Да мне нужно! Воронежцам нужно...

– А они что, Вас учитывают что ли? Они пуп земли!

«А не люди».

– Вот уезжал от Панина, а он: «Миш, по телевизору показали, представляешь, на елку в Воронеже отдали семь миллионов!»

– А зачем семь миллионов? – переспросил Дога.

– На елку новогоднюю. Перед окнами губернатора на площади поставить.

– А что, нельзя вырубить? В лесу, и привез.

– В чем и дело. У нас в Воронеже своих лесничеств... Евгений Дмитриевич, ну все же Ваше восприятие Воронежской земли? Вы же были на ней.

Дога:

– Как, собственно говоря, Воронежской земли? Какая у нас тема разговора?

– Я хочу про Вас что-нибудь написать.

– А что писать, – немного засмеялся Дога.

– И некоторые вопросы, вот, встречаюсь с читателями, они спрашивают о тех, о ком я пишу: какое детство, как учился... Я хочу спросить, а какое детство было у Евгения Дмитриевича?

Дога задумался, а потом:

– Вы знаете, я вчера был на вечере, который устраивают вот уже пятый год, это касается первого Московского медицинского института имени Сеченова.

– На Пироговке?

– На Пироговке.

Я часто бывал около бронзового памятника в полроста на постаменте из гранита, посещая

Памятник Сеченову на Пироговке

на Большой Пироговской Государственный архив. Мимо него трудно пройти, не поговорив со знаменитым физиологом.

– Это потрясающие студенты, это потрясающий вуз. Вот где поставлена работа по-настоящему. И не только потому, что меня пригласили. Они приглашают в жюри выдающихся людей. Они следуют уровню какому-то нравственному, эстетическому, моральному, что передается студентам. Они не пригласили «шоблу» всякую, попсу вонючую, от которой уже тошнит. А какие там балетные номера? И при том, что это не со стороны. В их Дворце культуры это все делается. Балет, живопись, пение, танцы, все у этих студентов. Вот это потрясающе! В Воронеже что, мало вузов?

– И я о чем говорю.

– Но я не чувствую. Я не являюсь первым в этой стране, но я не являюсь и последним, поэтому меня это поражает. Центр хлебной России, я назову эту фразу, который кормит не только хлебом насущным, но и хлебом духовным. Сколько оттуда выдающихся людей. Сколько сегодня еще там, случайно или как, но на российской арене не появилось? Почему?

– Задавили.

Студенты – участницы конкурса

На сцене поют «Воронежские девочки»

Дом культуры в Хохле

Дога:

– Почему те же «Воронежские девочки» где-то там прозябают?! Они, может, и не прозябают, но их должны знать, как знают «Кубанских казаков». Значит там этот губернатор в свое время (я знал его лично, видел несколько раз, когда был в Краснодарском крае) заботился об этих людях. И вся страна знает этот коллектив. А этих?

– Мы что, хуже?

– Они что, потеряли голоса что ли? И я знаю этот коллектив, не раз сталкивался с ними во время съемок. У того же Панина, который приглашал их.

Они очень охотно могли бы участвовать в различных концертах и там у себя, и в Москве. А кто это им поможет. Финансово. Все, что делается в мире, не только в Воронежской области или России, а все, что делается человеком, оно должно подпитываться какой-то поддержкой, материальной в том числе. Что, только выгодой? Это нам выгодно, это не выгодно, на это нет денег. А кто-нибудь из нас, родителей, задумывается о рентабельности выращивания детей? Мы растим их. Мы что, ведем ведомость расходов? Что за фигня какая-то! Это наш долг, это потребность. Потребность не только в физическом, как раньше рожали, чтобы была подмога в семье, это уже необходимость генетическая у человека. Где генетика этих людей, она что, улетучилась? Она просто выросла корыстными всякими проблемами, «заскорлупела». Как черепаха, с панцирем!

– Да.

– Ведь панцирь могли бы снять и выйти в люди. Но я не знаю, Я не горю желанием идти выступать перед людьми, которые не придут на концерт.

– Евгений Дмитриевич, да зал забьют.

– Или придут на концерт и будут кривить физиономию. Я знаю, что люди... У меня еще не было такого случая в России, и не

только в России, чтобы не было людей. Если я увижу пустое кресло, я перестану выходить перед людьми. Я помню, у меня были какие-то встречи случайные, да полно людей. В том же селе Хохол. Дом культуры. Битком было народу. Почему нельзя концерт сделать. Там десятки сел. Это не деревня, это села огромные. Деревня это маленькие. Это просто для познания. Что такое деревня и что такое село? Деревня – это там, где нет церкви.

– Вот оно как.

– А село – это там, где есть церковь. Это очень важная деталь. А то говорят: «Я был в деревне». – «Да не был ты в деревне, здесь села огромные». Тем более, в европейской части. Обширные поселения, где есть церкви и не одна! И чем меня привлекает вот эта земля?

«Понятно, Вы для нее музыку писали. Свою душу вложили».

Дога:

– Тем, что она очень похожа и на молдавские села, потому что молдавские такие же хлебосольные, такие же хлебные, будем называть. Потому села на черноземе, и там и там. И потом люди еще не разучились работать на земле, причем люди, которые привязаны к земле. Эти люди очень богаты духовно. Почему? Это, как дерево, которое стоит корнями в землю. Корни у него не в воздухе, не в небесах, а в земле. Вот люди, которые близки корнями к этой земле, они подобны плодоносному дереву. Вот те, которых отрывает от этих корней, вот такие люди не занимаются духовным развитием. А что значит корни? Для дерева земля и дождь. А для людей – это духовная пища. Почему церкви строят? Почему дворцы культуры строят? Церкви тоже, кстати, вначале 90-х очень были популярны, очень много народу туда шло. А сейчас перестали ходить. Я вот беседую иногда с церковными служителями, кстати, говоря, о Краснодарском крае...

Мне все больше делалось стыдно за Воронежскую область, где в отличие от Краснодарского края не проявили интереса к Евгению Дмитриевичу.

Дога:

– У меня была интересная встреча. Мы ездили по этому краю, по селам, и было видно: мало молодежи интересуется церковью. С одной стороны потому, что не работает духовное направление, и с другой стороны

сами церковники поддались этому огромному вирусу, который называется коммерцией, и стяжательством, и чем угодно. Ими мало занимаются правоохранительные органы, но работы там битком, потому что они часто отстраняют людей от церкви тем, что они бизнесмены.

– Деньги делают.

5

Евгений Дога:

– Ну что это такое?! Представляете, Иисус Христос чем занимался, ходил бы и за свои «чудодействия» брал «бабки». Ну, нельзя себе представить. Потому что и Христа плохо знают. И не почитают. Если говорят, что нужно жить по-божески, так почему же не живете по-божески? Почему не ведете себя по-божески. Я уже не отношу эти постулаты к этим руководителям. У них там с Богом...

– Проблемы...

– Плохо. Когда какие-то официальные мероприятия, есть телекамеры, показывают, как они целуют эти иконы, – прокашлялся. – Да и то это на расстоянии, вряд ли прикасаются. Вот, что объясняет «безытересье» к тому, что называется..., к этому звену, которое называется концертами, встречами. Жалко, потому что я, если я не первый и не последний, возьмем эту середину, хорошо. Я не думаю, что туда навалом едут композиторы.

– Тишина.

– Попса, наверняка. Таких полно. На тех хватает денег. Я просто знаю это по себе. Мне заплатят какие-то гроши, в то время как попса с мешками уходит оттуда. Откуда эти мешки с деньгами? Что, нельзя найти каналы, откуда поступают эти бабки и направить их в другое русло? Вот эти, которые финансируют. Спросите у них: «Ты откуда, из какого кармана взял? Не из кармана же этих граждан?»

– Налогоплательщики, это же наши деньги.

– И не только налогоплательщики. Масса же других способов грабить этих людей. Поэтому я думаю, что власти есть, что делать в этом направлении.

– Евгений Дмитриевич, Вы правильно сказали. Но я задам такой вопрос: чем мы схожи с молдаванами, мы ведь тоже поем? Трудисься на земле, и тебе хочется петь.

Музыка отсюда тоже пошла. И мы в этом тоже схожи, и Воронежская степь, и Ваша степь...

– Да нет, люди везде абсолютно одинаковы. Люди появились, почему они стали людьми, потому что они стали работать. Это придумали, что люди происходят от обезьян, но я не видел ни одной обезьяны, чтобы она стала человеком. Чушь настоящая. Что, обезьяна могла самостоятельно появиться, а человек нет? Дарвину так захотелось. Ну, сиди себе на здоровье и думай. Я, кстати, с Марксом. Сейчас готовлю книжку и собираю интервью насчет борьбы. «Жизнь, – говорит Маркс. – Это борьба». Да нет же! Жизнь – это величайшее счастье. Какая борьба? Что значит борьба? Да, успокойтесь, товарищ Маркс. Жизнь – это величайшее счастье.

«Как сказано!»

Дога вдохновенно продолжал:

– Поэтому многое проясняется, если ты человек думающий. Я думаю, у таких людей просто очерствели мозги. Единственно, что не могу понять, когда происходит эта трансформация людей. Все мы учимся в одних школах, по одним и тем же учебникам, потом что-то вдруг происходит, мы остались теми же, в рамках тех нравственных норм, которые мы получили в школе и в семье, а вдруг из нас часть одноклассников или однокурсников становится другой? Что произошло? Притом, моментально. К ним уже не достучаться, они ездят уже на машинах с затемненными стеклами. Что он видит за этими стеклами? Ни хрена не видит! На бешеных скоростях. Я не знаю, как так можно? Я помню даже в свое время... мы это клеймим, и не дай Бог, чтобы вернулось, колхозы были – это рабовладельческие хозяйства коммунистического типа. Потому, что я знаю свою маму и все. И то, председатель колхоза или бригадир на этой бричке двухколесной с лошастью объезжал поля. Я не видел, чтобы нынешний деятель на двухколеске объехал и вышел и поле обошел. Нет, обязательно со свитой и журналистами, которые будут писать, какой он добрый, какой он.

«Наша власть!»

– Стандарт. Уже тошнит от него. Возьмет ребенка на руки и фотографируется. Ах, какие любимые! И детей... Да, посмотрели бы в садике, чем питаются эти дети, и попадают ли в садики. Есть ли у всех возможность оплачивать эти садики.

– Показуха!

– Что это такое? Понимаете, вот эти вещи, понимаете, видите, у меня на фортепиано нет нотной бумаги.

Я глянул на пустую полочку над клавиатурой.

На пианино нет нот

6

Евгений Дмитриевич продолжал:

– Как в этой ситуации использовать слово, которое мне не понятно, вдохновение? От чего подпитка? Если мы говорим о дереве, что у него подпитка корнями из земли, если идет дождь. Интеллигентный человек или человек культуры, сама культура питается от жизни. А жизнь, смотрите, она совершенно отдалена, не только отдалена, она просто не присутствует. Мне не приходилось видеть в последние годы, чтобы на концерты ходили руководители. Ни разу не видел. Вот на попсу, наверно, ходят. Я не знаю, потому что не хожу. И не имею возможности. Извините, у меня были концерты во всех самых престижных залах России и за рубежом. Я не видел нигде. Или никто не удосужился, возьмите и позвоните, там президенты. Я не говорю про Президента России. Огромная страна, и у него хватает проблем. Но со среднего звена начать. Ну, возьми, позвони, ё моё! Я – Президент своей музыки и притом навечно.

– Навечно!

– А они избираются на какой-то срок, и то неизвестно, каким Макаром. Подкупленными

голосами. Поэтому, никто. Вот как сел в это кресло, я возвращаюсь к тому классу, курсу, когда с ними что-то происходит и какая-то трансформация происходит, они: это ты должен не только позвонить, но еще у секретарей записаться. Ну что это такое?

– И примет или не примет.

– Что это такое? Государь в свое время приглашал Пушкина. Опального, кстати. Он не миловал государя. Не сидел, не лобызал, как деятели многие наши культуры, к великому сожалению. И те: все в порядке. С ними все в порядке, с «лобызателями», а с культурой вообще. Вот даже вчера проезжал редакцию «Культуры». Ее читали широко все в стране. А где она теперь? Мизерный тираж у нее, она не участвует в культурной жизни страны. Она должна была бы участвовать, а не участвует. Был в свое время мощный «Огонек». Где этот «Огонек»? Потушился, что ли. Были прекрасные руководители, потом были времена. А времена насыщены были такими событиями. Потому что была жизнь именно духовная. Это уже позже ходили с лопатами, когда их подняли. А кто это сделал? Сделала интеллигенция. Сделали люди культурного фронта. Коротич был в «Огоньке». Это мощный журнал. Там такие были материалы потрясающие! И интересовались и «Огоньком», и «Культурой». Нет сейчас этого. Даже сегодня. Вот «Литературная газета», которая, кстати, тоже куда-то ушла на второй план. Я помню, читал ее с упоением. Там такие потрясающие проблемы поднимали. Я помню, дома мы читали ее и следили за каждым номером.

– Я с «Литературкой» достаточно близок.

– Наверно не потому, что газета стала хуже, просто интерес отпал к культуре. Смотрите, сейчас какая тема? Убийства, насилие, Украина. Я смотрю телевизор, кроме Украины никакой темы нет. А что России нет? А куда Россия делась? Кто будет этими, своими проблемами? Пусть они там бесятся, если бесятся, это их личное дело. Но не только этим заниматься.

– Не только этой проблемой.

– Ну что это такое? Я вспоминаю, сейчас конечно меньше, а в свое время я ездил очень много именно в отдаленные места. И по воронежской земле, потому что было и Черноземье, и Нечерноземье. И юг, и заполярье, и Сибирь. Я все изъездил. Я видел этих людей.

Бедные эти люди. На Вятке я вспоминаю, в этой тайге, болотистой, заброшенные эти хуторки: пять-шесть домиков, кто там о них заботится? Они нас расцеловали и обнимали, потому что они впервые увидели людей, которые вспомнили о них. Что, разве все милованы села Воронежской области? Я не думаю. Взять тот же Хохол. Это большое поселение, потому что... Мы готовы идти с мешками, потому что напомнить надо. Аукайте, мы откликнемся, но не аукают! К сожалению, волки только аукают. Эти безнравственные волки.

– Мы недавно попросили тогда еще депутата Государственной Думы Руслана Гостева написать письмо главе Хохольского района, чтобы ДК в Хохле назвать именем Василия Панина. И вот все ждем. А Вы бы как к этому отнеслись?

– Ну, нормально! А что, ждать, пока человек умрет. Чуть собачья. Вот эта практика дурацкая. Космонавтам то стоит, живые космонавты, а стоят бюсты. А у космонавтов свои заслуги, у режиссеров свои. Каждому нужно воздавать и не ждать. А какой прок Панину, что после его смерти будет что-то.

– Второй вопрос. Василий Степанович тоже думает об этом. Последний путь будет. Но где он будет? Он назвал кладбище в Москве и сказал: «У меня дядя там лежит». Он у него жил, когда учился в Щепкинском училище. И: «Хохол. Но в Хохле я уже ездил, – говорит. – Кладбище видел. Там при въезде место есть». И сказал: «Туда». На Малую Родину. И для него это очень важно.

Дога:

– Пусть он оставит эту проблему для...

– Но другие могут распорядиться случайно.

– Естественно, – тихо произнес Дога.

7

Композитор продолжал:

– Я с восхищением вспоминаю по случаю, естественно, потому что случай все меньше и меньше возвращает к этой памяти. В воронежской земле. Красивый город какой, сколько там вузов, сколько там студентов. Да и не только в Воронеже. Вообще в центральной России некоторые такие, также, Иваново. С восторгом могу говорить о Смоленске. О Новгороде Великом, который, казалось, где-

то там на севере. Ничего подобного. Там такая интересная жизнь культурная. Потрясающая. Молодцы! А как в Чувашии, я был недавно. Как там построено. Значит, можно! У них в Чувашии нет нефти, но могут. У них есть нефть мозговая.

Евгений Дога на концерте в Чебоксарах

Мне в который раз стало стыдно за воронежскую власть.

А Дога:

– Я очень переживаю за такие...

Я понял: как воронежцы. Ведь ее жители не виноваты, что у них такая власть.

– Вы знаете, радость наша, тех, кто что-то делает, от радости других. Ну что, мы будем сидеть в кабинетах и радоваться бумагой? Это не радость. Радость, когда выходишь на сцену и тысячи людей заряжаются энергетикой, которой не достает, – повысил голос. – Потому что я уже говорил, церкви тоже. В церквях тоже радикальные вещи. Я не могу понять, как можно сидеть. Все реформируются. А там ничего. Я, например, с больными ногами не могу четыре часа стоять на этой мессе. Почему не поставить скамейки? Кто сказал, Иисус Христос? Нет, не он. Поэтому, надо немножко подумать об этих людях, а не сидеть. Вот, бедная старушка, она вряд ли простоит полчаса, я полчаса не смогу тоже – у меня очень больные ноги, и не пойму, а что мешает? Потом я музыкант. Почему мне нельзя туда с оркестром пойти? Кто сказал? Иисус Христос распорядился? Потому что все время отвечают: «Так не положено». Кем не

положено? Или кем положено? Кто положил? Не думаю, что Иисус Христос. Поэтому такие вещи, которые расширили нам бы поле общения. Приблизили друг к другу. Мы отдалены, к великому сожалению. Или нас, точнее сказать, отдалили вот эти так называемые

руководители. Они вряд ли руководят. Они используют короткий отведенный им срок нахождения в кресле для своих корыстных целей. Они есть всякие, но мне понравилось, что делалось в Краснодарском крае. Я очень обрадовался, когда министр сельского хозяйства пришел губернатором к вам в область. Помню, какие-то симпатии к нему были.

«Гордеев», – подумал я о нынешнем губернаторе Воронежской области.

Дога:

– Видимо, все выросло за рамки личности. В самой среде в обществе что-то не то. Пошла

метастаза политическая или безнравственная метастаза. Трудно ему что-то сделать. Значит, нужен хирург. Но не хватит хирургов на всех, поэтому нужны методы терапевтические. Я думаю, что такими терапевтами могли быть деятели культуры. Вот я, сколько лет слышу: Василий Степанович (кинорежиссер Василий Панин – от авт.) вынашивает то один план, то другой план, и все связано с воронежской землей.

«Панин с Догой сняли десяток фильмов», – подумал я.

– А осуществить никак не осуществить. Отдача ноль. Потому что кому-то это не нравится. Но я не понимаю, почему? Тогда бедный...

«Воронежский люд», – понял я.

8

Дога:

– Вот, возьмем классику. У них положение не было таким блестящим, но находились меценаты. Не спонсоры. Ведь сейчас слово меценат почти не используется. Кто-то один раз пришел, дал какую-то сумму, но чаще всего

Два друга Евгений Дога и Василий Панин

это называется взяткой, чтобы с этого иметь свои дивиденды, которые в сотни тысяч раз превосходят его взнос. А меценаты. Те, которые постоянно, на всю жизнь подпитывали. Как водопровод нас питает. Вот эта подпитка, а не привозить баками, канистрами эту воду. Выпил, и нет ее, и опять ты без воды. А нужен этот водопровод духовный, и материальный необходимо подключить к развитию культуры. И, наверняка, мы не можем винить государство, и, действительно, временами нет денег. Хорошо, временами нет. Ладно. Но включите другие пути. Как же миллиарды, которые у абрамовичей!

– У какого-то полковника-полицейского в Москве изъяли денег, равных бюджету области!

– Вот эти «бабки» и распределить на культуру. А я не слышал, чтобы Абрамович кого-то субсидировал. Чтобы был меценатом какого-нибудь направления в культуре. Он содержит иностранную футбольную команду. А почему иностранную, а не российскую? И почему не живет в России, а черт знает где? И им позволено. А дядя Вася за пятьдесят рублей сидит.

– Кстати, Вы, наверное, слушали про друга Панина поэта Егора Исаева. Так вот в этом году Василий Степанович написал письмо вместе с бывшим генеральным прокурором СССР Сухаревым к губернатору с просьбой переименовать улицу Первомайскую на родине Исаева в селе Коршево его именем. Сначала администрация района «ура, ура, ура», а потом чиновник департамента культуры области ответила: «У нас денег на переименование улицы нет».

Дога засмеялся:

– А сколько ж?!

– Но я закончу, – перебил я композитора, – и вот московские спонсоры подключились бы и переименовали. Что такое переименовать улицу? Ну, назовите Первомайская-Исаева. И, кстати, на юбилей Исаева ни Панина, который был его близким другом, ни Сухарева, не пригласили.

– А они не знают! Они знают только самих себя.

– Панин пожал плечами, а Сухарев потом даже губернатору пытался дозвониться, но того все на месте не оказывалось. А я засмеялся: будь сейчас Сухарев при должности, губернатора бы в наручниках привезли... Ладно, – вздохнул я.

И перешел к другому:

– Евгений Дмитриевич, у Панина есть фильм «Певучая Россия», про Пятницкого. Собирателя песен...

Дога:

– Сам факт появления этого фильма достоин, чтобы о нем уже говорили. Потому, что могли бы петь, и никто бы не знал. А сам факт появления. Понимаете, масса событий есть

потрясающей значимости, потенциальной. Но в кинетическую они не переходят, потому что масса – деятели культуры, провинция – есть, а нет выхода. Потому что не появилась какая-то... Ну, как курок у винтовки, чтобы нажал и выстрел. Вот этим фильмом он сделал такое, что заговорили.

– О Пятницком.

– О Пятницком знают, но ничего конкретного, а здесь был собран лучший материал об этом коллективе. Я бы считал, что это частица духовной жизни России. Поэтому, я считаю, что нельзя оставлять это в прошлом, а нужно превратить его в настоящее и будущее, продолжать это. К великому сожалению, опять-таки одни сожаления, – с горечью подчеркнул композитор. – Культурные каналы и не обязательно на канале «Культура». Культура это не резервация, чтобы на «Культуре» быть. Культура должна быть на всех каналах. Что плохо было бы, если бы об этом хоре и сегодня передачу сделали?

– На всю страну!

– Чтобы люди знали, что не только... Кстати, вообще хоровые коллективы, я не сказал бы, что какие-то там высвечиваются, а хора Пятницкого нет, ничего нет. Вот одна попса и одни убийства. Всё! И даже канал «Культура», который, казалось бы, там тоже очень как-то странно.

9

– А все-таки о музыке к фильму «Певучая Россия», – спросил я.

– Вообще, русский фольклор это для меня еще одно окно в музыкальный мир. Потому что это корни. Я пытаюсь свои корни пустить и в эту почву. Потому что есть одна и та же эмоциональная подпитка. Движение, частота, человеческое присутствие везде в русских песнях и особенно вот в этих протяжных чья-то судьба и стремление к выходу на просторы, к свободе, то, что присуще любому нормальному человеку, который привязан к земле особенно. Это не те, которые бегают сейчас с этими суперсовременными машинами, это другие люди. Поэтому меня роднит вот это стремление к этой

свободе, к этой широте, к этому насыщенному колориту этих мелодий. Они удивительно гибкие. Они не просто, сказать там, всякими ритмами насыщены. Они почему протяжные? Потому что во времени на протяжных звуках есть возможность сопереживать, есть возможность настроиться. И это и характер людей. Почему там ходят более размеренно люди, а не вот этими черт знает, – Дога сделал резкое движение руками. – А потому, что время для размышления. Я, например, восхищаюсь всегда парочками, которые сидят на скамейке. И молча вот так вот сидят, и друг на друга. Это потрясающе. Вот, где высочайшая форма общения, а не те, которые «ла-ла-ла-ла», – последнее произнес очень быстро и очень быстро потом. – «Ты меня любишь» – «Да, да», – и сделал воздушный поцелуй. – Все это фигня! Это форма. А та форма протяжности, то, что есть в хоровых пениях особенно. Более того, обязательно там кто-то запекает, какое-то начало дает. Что это дает? Это дает возможность прислушаться. Он один запекает, а те остальные прислушиваются, настраивают свои внутренние органы вот на это действо, на эту повесть, на этот рассказ, на эту историю, которую вот запекала..., на этот тон. И они ему подпевают. Это потрясающе!

Я сидел, сжавшись, понимая, что попал уже в какой-то иной мир, оторванный от суеты и моих забот, напрочь забытых теперь, и пребываю в скрытом от меня, окна в который распахнул собеседник, и я влетаю туда, лечу и только успеваю оглядываться.

Дога говорит

Дога:

– Об этом мало, кто задумывается. Есть много литературы, но в основном пишут люди далекие, которые в городе, сидят в Москве, и пишет о...

– Русском народе, – вырвалось из меня.

– Да, о русском народе. Вы знаете, это лихо! Я бывал, кстати, и не только в России. Помню, в Африке когда я был, там сидели все в гостинице, а мне интересно высунуться и посмотреть на мир. Ведь все люди хотят общения, хотят быть замеченными, хотят, чтобы о них кто-то добром отзывался. Поэтому я хотел бы, чтобы эта тяга к любви, к общению, она не сникла и не зачахла бы. И я очень хотел бы, мог бы с удовольствием подействовать этому действию, этому направлению, если была бы поддержка, или кто-то аукнулся. Не может быть эха, если...

– Нет звука.

Снова камни летели в огород воронежских чиновников.

– Звук должен быть. Поэтому бы я с удовольствием откликнулся. Частным образом, концертом, как угодно. И особенно, воронежцам. Крупный город, и ни разу там не выступал. Ну что это такое. Это не эгоизм. Эгоизм – это нарицательное слово.

– Вот об «этом». У нас недавно умер фронтовик, писатель, лауреат Государственной премии Юрий Гончаров. Ну, как Юрий Бондарев. И его сделали Почетным гражданином города за год до смерти. И он говорил: «Что ж вы раньше не похлопотали. От меня столько можно было взять!»

Дога сочувственно:

– Конечно...

10

Я спрашивал:

– Евгений Дмитриевич, а вот «На заре туманной юности». Фильм Панина про Кольцова. Там Ваша музыка. Легко она Вам далась?

– Легко ничего не бывает. Ничего само собой не бывает. И ничего само собой не приходит. Это нужно заставить. Надо мозгам дать задание.

– Абсолютно согласен, – сказал я, зная, как во мне рождаются тексты.

– Потому что... Собственно направить. Разве речка идет, как ей вздумается? Есть берега.

Меня поражало особенное мышление Евгения Дмитриевича. Как неожиданно и точно рождались образы. Образы с такими широкими границами мысли, чувства, между которым образовывался свой океан, в котором уже плавал обуреваемый своими помыслами, суждениями и чувствами творец. Видимо, от такой широты захвата и рождались поразительные по силе произведения.

Дога:

– И она редко там, если только нерадивые хозяева не заботятся о берегах. Нужно укреплять тоже, кстати, и прочее. Поэтому мозг, то же самое, нуждается в направлении.

– Окунуться надо, утонуть.

– Дать задание и всё. Да и потом нужен интерес. Знаете, что такое дать задание? Помню, первое соприкосновение с этими певучими девушками, которых слушал. У них еще не отсохли корневые эти следы. Эти дети. Они близки по своему происхождению, многие же не из королевских семей.

– Нормально, отсюда. От села. Мама пела. Отец...

– Конечно, поэтому они меня привлекали своим оригинальным пением. Что значит оригинальным? Естественным, а не натянутым под надуманные какие-нибудь академизмы. Кстати, академизмы именно надуманны. Поэтому я очень хотел бы, хотел бы, – повторил твердым голосом, – просто побывать, честно, пока еще можно...

Дога хотел в Воронеж, очень, и мне все больше становилось не по себе. Хоть кричи!

Дога:

– Потому что время оно ничего не прощает. Оно к великому сожалению стирает и грани, потом оно рождает новые поколения, и очень хотелось, чтобы между этими поколениями, которые появляются, и нами, которые, я не говорю уходящие – мы не собираемся уходить, потому что есть две формы нашего присутствия в этом мире. Одна такая физическая, а другая – духовная. И я хотел бы, чтобы вот не было. Вот знаете, когда шьет плохой «пошивочник», и видны страшно вот эти места стыковки – швы. Это плохой очень костюмер. А вот для этого придумали

утюг, чтобы заглаживать эти вот швы. И мне кажется, чтобы все-таки какой-то утюг или кто-то пришел с утюгом, пришел и заглаживал эти образующиеся, абсолютно по их невежеству, швы между нами и нашим прошлым и нашей культурой и будущими поколениями. Чтобы последующие поколения не пришли на голое место, а пришли вот на ту почву, которая их родила. В конце концов, их родили родители, а этих родителей еще родители, чтобы была эстафета, а не... К великому сожалению, сейчас часто можно встретить, когда дети и родители не очень в контакте, а то и даже игнорируют их полностью.

Теперь я понимал, как писал Дога музыку, имея огромный диапазон мыслей, образов, чувств. И как зрительно, может, чувственно, мысленно отталкиваясь от одного полюса, он устремлялся к другому полюсу чувства, мысли, смешивая, переливая, лаская и взрывая все на своем пути.

Дога:

– А раньше-то стремились под одной крышей жить не потому, что не могли построить себе, а потому что такой уклад был, передавалась вот эта эстафета не наставлениями, этими всякими поучениями, а за одним столом, за которым они питались, в одной комнате, где они все помещались. Конечно, я не призываю к этому, сейчас другие условия, но КРЫША ДУХОВНАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ОБ-ЩА-Я, – произнес даже с каким-то пафосом и повторил. – Она должна нас всех объединять. Мы должны все жить под одной ДУХОВНОЙ КРЫШЕЙ. Вот эту духовную крышу не нужно ждать, что нам кто-то ее принесет на золотом блюдечке. Её нужно даже не строить, её нужно хотя бы сохранить. Потому что она есть. Нужно поднять глаза вверх и увидеть её. К великому сожалению, её мало кто замечает и мало кто соглашается с тем, что она присутствует. Они думают, что они сами крыша. Ничего подобного, они ищут другие крыши, которые приносят им большие барыши, а на самом деле, существует вот эта ДУХОВНАЯ КРЫША. И я очень хотел бы эту КРЫШУ увидеть и

хотел бы находиться под этой КРЫШЕЙ в гармонии и согласии! Всё! – сказал и хлопнул руками.

Часть вторая

Мама

1

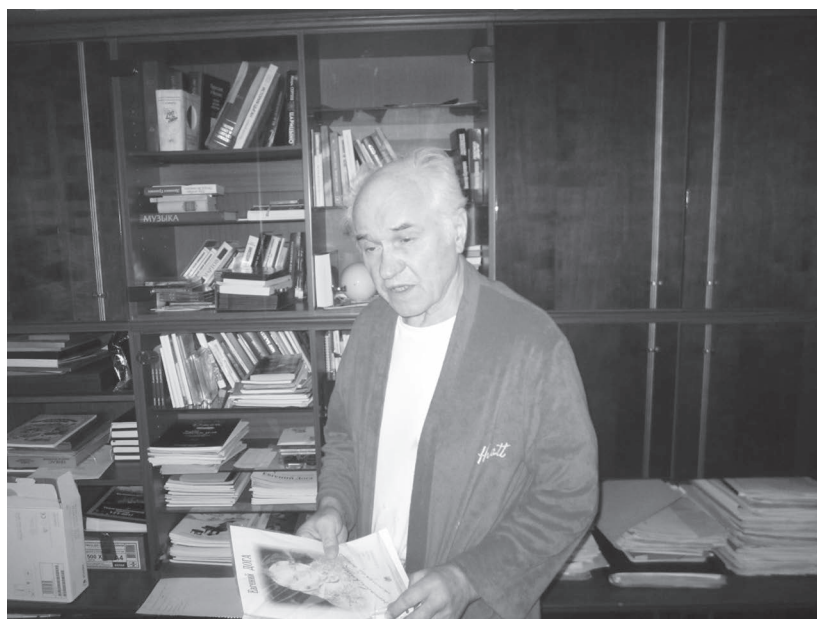
Я молчал, боясь пошевелиться и понимая, что и так на час оторвал от дел выдающегося человека. И наш разговор оборвался, чего я очень не хотел. И как за спасительную палочку, я ухватился за очень щепетильную тему:

– Евгений Дмитриевич, Вы очень хорошо сказали про крышу. Но и очень хорошо сказали про маму. Для меня мама – святое, у Панина – отец святой, воевал в Севастополе, поэт Фирсов был (Фирсов Владимир Иванович – от авт.), он рассказывал, как отчим облил кипятком его мать, как он потом страдал! И я хотел спросить, мы же все оттуда, правильно – корни, и вот Ваша мама, что она для Вас.

Я попал в точку.

Дога:

– У меня есть книжка про маму, – Дога встал и направился не к выходу из комнаты, куда прошел бы за мной через минуту, а к серванту, взял из стопки тонкую большую брошюру.

Дога с книгой

Вернулся к столику:

– Но я не могу вам ее подарить. Она у меня в единственном экземпляре. Смотрите, какая...

На широкой обложке брошюры на фото пожилая женщина в платке и в платье в крапичку о чем-то задумалась.

Под наклоном через всю обложку было написано:

«Не оставляйте
Матерей одних...»

Я взял книжку:

– «Произведения для голоса и фортепиано»,
– прочитал другие надписи на обложке.

– Там эссе о маме, – сказал Дога. – И песни.
Посвящены ей...

Книга Доги
«Не оставляйте матерей одних...»

Я листал.

– Вот эссе две странички, – сказал Евгений Дмитриевич, когда я открыл листы с убогим печатным текстом. – Мама – это святое дело.

– Святой человек.

– Конечно.

Дога снова сидел в кресле, а я спрашивал:

– А в школе у Вас были такие учителя, которым Вы были бы очень благодарны? – спросил я, всматриваясь в текст.

– В моей школе нет, – ответил Дога, немного взгрустнув. – В училище, я могу сказать.

Я знал, что Евгений Дмитриевич с 1951 по 1955 год учился в Музыкальном училище им. Ш. Няги в Кишиневе.

– И кто в училище?

– В училище это было, да-а, – глубоко вздохнул. – Тоже, сейчас вспоминаю, это было два человека. Вера Ивановна Севернина, которая была библиотекарем. Она ввела меня в мир книги. Но там другая еще была. И Павел Иванович Бачинин – мой учитель. Это потрясающие люди, высокой моральной начинки.

Я подумал: наверно, хорошо этим людям, если они сейчас слышат нас, когда их добрым словом вспоминает выдающийся музыкант.

Когда закончил листать брошюру, спросил:

– А можно я ее сфотографирую?

– Конечно, – сказал Дога.

Я быстро пощелкал на фотоаппарат страницы книги и снова спросил:

– Вы сами сказали, жизнь как река, куда попадешь, куда понесет. А Вы писали о Бачинине, Северниной?

Евгений Дога в молодости

– У меня книга. Масса книг написана.

– А я, – прикусил язык, давая понять, что их не смог найти.

– Вот спрашивается, почему ликвидировали учреждение, которое занималось распространением книг? Межкнига, помните?

– Была «Международная книга».

– Где она? Поэтому никто не знает такой литературы. Теперь хоть пиши бисером, пой соловьем, никто тебя не узнает. Почему? Она же не секретная. Значит, кому-то выгодно? Я не знаю, сколько можно терпеть это. Масса литературы. У меня, действительно, очень много литературы. Романсы. Три тетради романсов. А не знают. А издано давно. Не распространяется. Поют одно и то же «та-та-та». «Ты меня, я тебя».

2

Мы снова говорили.

– Вы вот сказали про маму, учителей в училище. А кто по жизни еще Вам помог?

– Вы знаете, в принципе, человек относится к самозарядному устройству. Если в человеке не заложено самозарядное устройство, ничего не поможет.

– Понятно, но твой запал поддержать.

Дога как и не слыша:

– Это еще есть генетика. Пусть там думают, да, воспитание, все хорошо. Можно воспитывать, если есть почва. Без почвы ничего не удастся. Если он родился идиотом, уродом, – твердо произнес последнее слово, – он таким и будет по всей жизни – калечить вокруг себя. Одному дано быть нормальным, другому – вором воровать, и ничего ты с ним не поделаешь. А если ему дано быть академиком, он будет им, никуда от этого не денешься. И он не особенно будет...

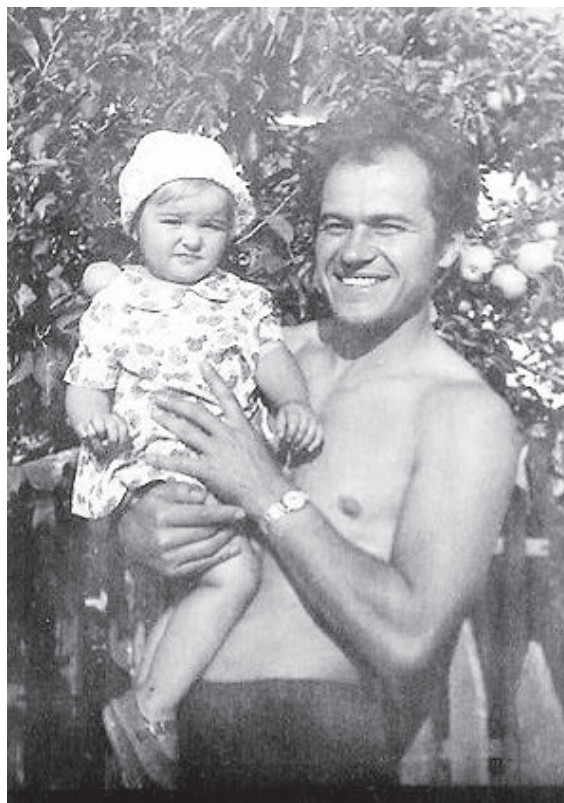
– Чтобы не подстрелили на пути.

– Но, главное, я считаю, это очень важно, чтобы вовремя, когда человек рождается, или когда его вынашивают в животе, чтобы была нравственная подпитка. А то думают, что он там, в животе, не подпитывается – подпитывается, и еще как! Говорят: У него со дня рождения. Неправда. Со времени зачатия начинается его воспитание. Вот я думаю, что такое происходит, я не могу сказать про себя и мое поколение: тогда матерям и отцам, тем более мой отец погиб, им

некогда было заниматься наставлениями. Но они своим образом, своим поведением, своим образом жизни они собственно передавали воспитательную формулу. Если я видел, что мама только в труде все время, как я мог иначе поступать, чем как мама. Я тоже был рядом с ней, рядом с тяткой. Я тоже делал вещи, которые она просила, потому что я видел, что она любит. Я не мог ответить отказом. Собственно, у родителей наставление не передает любовь, любовь передается любовью. Поэтому родители должны своих детей рожать не потому, чтобы был ребенок, а потому, что это плод любви и объект для этой любви в дальнейшем, когда этот человек появляется, маленький человечек в этом мире, его нужно воспитывать любовью, а не наставлениями.

«Мне, юристу, это было даже в диковинку».

– Вот недавно я стоял здесь на остановке, и я про этот случай уже писал, но он достоин того, чтобы его тиражировать, потому что стою: луна! Серп такой, на ярко-ярко синем небе, потому что там сверху видимо солнечные лучи еще подсвечивали. И с правой стороны внизу Полярная звезда. Яркая-яркая! Это картина, которая достойна кисти только великих художников. И я только сидел и восхищался

Дога с ребенком

этим чудом. Подходит какая-то бабулька и за ней волочится, видимо, внучка, которую она все время какими-то своими наставлениями... Внучка, естественно, хнычет, и вот они все время стояли. Я думаю: «Елки-палки! Вместо твоих наставлений не лучше обратить внимание этой своей внучки на это чудо природы». Наверняка, она бы запомнила, что вот ей бабушка показала вот это прекрасное. И она знала бы, что это прекрасно. А она потом бы на протяжении своей жизни обращала бы на такое внимание, искала бы в природе красивые вещи.

– И проецировала бы на жизнь.

– Конечно, потому что в природе масса вещей есть, которые люди проходят как-то так безразлично для того, чтобы обратить на это внимание. Даже вот про эту луну. Там проходили еще другие, а потом она и все закончилось в другом направлении и говорит: «Зрассьте, а я под Ваш вальс выходила замуж». Я думаю: ё-моё, ты бабулька, а под мой вальс замуж. Надо было бы спросить: в какой раз? Я, еще помню, был студентом и написал с одним поэтом нашим песню: «Как часто – там такие слова и мысль, – мы проходим безразлично мимо цветов».

– Интересно.

– И вдруг в один момент мы их замечаем, они расцвели, – с воодушевлением заговорил Евгений Дмитриевич. – Хотя они и цвели раньше, но мы заметили, что они расцвели. Потому, что мы влюбились.

– То-то!

– Человек должен быть все время влюблен в природу. В этот мир, а не сидеть и все время хныкать. Есть какие-то вещи, о которых мы сегодня говорили, сколько сегодня мы их упомянули не для того, чтобы их разбивать или их бомбить, а для того, чтобы их улучшить и искоренить это зло, то, которое мешает проявлению красоты.

3

– Евгений Дмитриевич, Вы сейчас потрясающе сказали про маму. Неужели простая крестьянка, кругом природа. Красота, а она Вас за ухо не потащила, ремень не взяла, а... – спросил я.

– Как я могу спать, когда мама работает?

– Спать, а мама работает.

– Как это можно? Как можно послушаться ее, если у нее болят ноги. Как можно поступить иначе, когда она столько натрудилась, столько трудится, и столько работы еще надо делать, и она не произнесла ни разу, я от нее не услышал ни разу «устала» или «не могу», «не хочу». Ни разу не слышал этого слова. Как я могу эти слова произносить? Поэтому, Вы меня попросили о встрече, у меня времени жутко не хватает, я с Вами с удовольствием общаюсь.

Я про себя: спасибо, понимая, что это слово не лезет ни в какие рамки в сравнении с истинной благодарностью.

Дога:

– Я могу сказать «я не хочу», «я не могу». Нет времени.

Вот она обязательность Евгения Доги: он не может сказать «не могу». Сказать той находке, истине, мотиву, который на него нахлынет, а он не положит на музыку. Он не может отказать мотиву, который захватил его, пройти мимо, не отразить.

– Понимаете, это тоже форма воспитания. Я это не отношу к себе, на свой счет, нет, просто это должно быть качество всех нас.

– Вы знаете, Гавриил Троепольский на одном собрании писателей сказал – а их посылали выступать перед людьми – насчет гонимых. «Позор! Вы должны идти и выступать бесплатно...»

Дога:

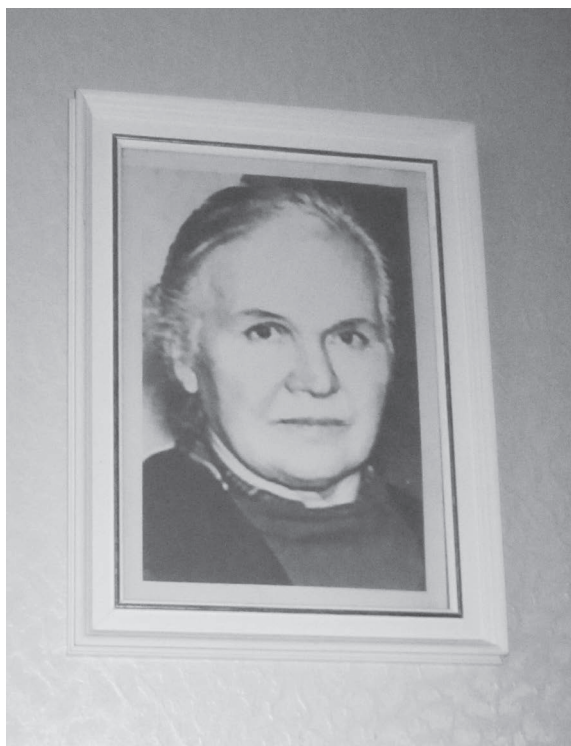
– А звонишь чиновнику, он: «Я сейчас посмотрю в график...» Ё-моё, этот график! А после пяти ты не можешь принять? Или прийти ко мне домой. Кто ты, что тебя унижит посещение композитора? Что за дела?! – Дога снова заговорил о наболевшем. – Многие вещи такие, но опять-таки это не должно нам мешать видеть красоту мира. Величайшее благо, и этот Маркс, конечно, не прав был с этой своей борьбой.

– А по жизни мама Вам как-то, мы всегда любим тепло, обнимут нас. Вы поняли, что мама была счастлива Вами?

– Вот портрет, – Дога показал на стенку.

То я видел эту женщину на обложке книжки, а теперь в белой рамочке на стене. Широколицая, даже скулы от нее передались сыну. Широкий, как у Евгения Дмитриевича, рот. Такие же пытливые, даже въедливые, глаза.

Портрет матери Евгения Доги

Крепкая шея. И такая же мягкая, лоснящаяся седина на голове.

– Простая женщина. И взгляд, устремленный далеко-далеко.

Дога:

– У нее классическое лицо. Широко расставлены глаза. Брови. Нос. Все это классика.

Меня поражало, что стена украшена не дипломами и наградами, а скромным портретом мамы.

И я:

– А по корням она откуда?

– А какие корни в Советском Союзе? В принципе, все эти корни церковные.

– Я недавно написал книгу про священника Стефана Домусчи, заслуженного художника России. Он из села Кулевча Одесской области. У него тоже родители из глубинки... А можно сказать, что мама положила жизнь на Вас?

Дога даже сбился от вопроса:

– Нет, ну. Можно сказать. Я как раз в этом все время. Вот я сейчас делаю книжку. Я не знаю, как она будет выглядеть, но она почти готова, собственно над ней сижу и работаю сейчас. Она же в 29 лет лишилась мужа. Это всю свою недолюбленную любовь она вложила

по сути дела в своего ребенка. Поэтому такая у нее судьба. Она всю теплоту, всю любовь, которую должна была разделять с мужем. Судьба, видите, как распорядилась сурово. И она все-таки что-то почувствовала, что-то досталось ей. И в Кремлевском дворце съездов она была.

– Вы приглашали ее потом.

– В Большом театре она присутствовала на концерте. Так что она... Свидетелем была, когда я получил народного СССР. Ее очень почитали, но поздно, к сожалению, бюрократически, больше из-за меня, а не из-за того, что она такая. К великому сожалению. Хотя она была куда более достойный человек, чем я.

«Вот сын говорит о матери!»

Дога:

– Потому что я её продукт.

4

– У Вас был голод страшный после войны. Как Вы его пережили? – сыпал я вопросами.

– Благодаря маме.

– Как, ведь целые колхозы вымирали.

– Вы понимаете, вымирали, не только... Тоже, ходят эти лихачи: вот, там обобрали. Я помню, как ходил этот самый в военной форме и с автоматом на груди. До зернышка все вымел из дома. Поэтому и голод пошел. А мы... У нас амбары были полные пшеницы. А мы-то ребята, мы же не знали, что происходит. На этих студебекерах вывозили на станцию, все вывезли. Все зерно. А мы-то катались, нам так приятно было!

– Не понимали суть.

– Не понимали, естественно. Все вывезли, абсолютно. Поэтому все искусственно. Смотрю эти передачи, как нападают на Украину и все прочее. А почему не вспомнить Поволжье, которое также вымирало из-за голода. А почему, что там хлеб перестал расти? Там отобрали весь хлеб. Продразверсткой, вспоминаю такое слово, дурацкое. Поэтому общество... Сейчас эти спекулянты политические, к великому сожалению, эти дельцы, которые начинают членить на наших, не наших. Беда общая. Не имеет беда национальности. Беда, или зараза всякая, так же, как и пуля и всякие снаряды, они не просят паспорт. Бахнут, и всё, и будь здоров. Так же, как..., если бы только голод

был, но еще страшные болезни, тиф был. Это же он косил всех со страшной силой. Даже хоронить некому было.

– И чем же Вы питались в голод? Как мама спасала Вас?

– Она уходила куда-то, и в Польшу уезжала. Я не знаю, как она, бедная. Пряталась в этих вагонах.

– Чтобы проехать.

– Да, чтобы доехать и приехать. Конечно, по дороге ее обворовывали, и однажды пришла просто вся в слезах. Такое тряпье, ну что там у нас, достояние большое, хотела там выменять на какую-то горстку зерна, кукурузу, и бывало, что и те её обворуют. Ну что женщину обворовать? И, тем не менее, нас спасла, меня и бабушку, потому что бабушка еще жила – её мама.

– Вы пережили голод и знаете цену хлеба. А то сейчас в окно буханку выкинут.

– Я Вам скажу: это придало моей жизни оптимизм. Я критикую, но я не критикан. Я критикую, опять повторяюсь, не для того, чтобы уничтожать. Это все равно, что ходить с веником по квартире не для того, чтобы сорить, а, наоборот, для того, чтобы выметать грязь из квартиры. Поэтому, те, которые понимают это, те правильно расценивают. А те, кто не понимает: «Вот, он все время критикует!»

– Если болит.

– Да критикую. «Все время ноет». Я не все время ною. Я и радуюсь, при том радуюсь не просто так «хи-хи», «ха-ха». Я радуюсь своими сочинениями. У меня масса нормальных, прекрасных песен. Поэтому, опять только в зависимости от того, с какой точки зрения смотреть и как рассматривать и человека, и то, что он делает, поэтому и появился оптимизм у меня в жизни. Я призываю и всех остальных к оптимизму – верить все-таки в красоту, в жизнь и в красоту человека. Потому что я не знал, что есть другая жизнь. Вот этот голод и вот то, что мы питались неизвестно чем.

– Лебеда...

– И трава, и кочерыжки. И ходили босиком, и я в Кишинев когда приехал, я два года почти босиком ходил, потому что мама даже как-то купила мне сапоги резиновые, и те у меня украли. Жуткие времена. Но я не знал, что есть другая жизнь. Я думал, что это так и есть.

– Босиком ходить...

– Да, я ходил на занятия по фортепиано босиком. Поэтому я радовался, когда после этой несчастной жизни вдруг я получил 140 рублей – это была эта самая стипендия. Это здорово! Я мог их разделить на четыре недели в месяц, и получается по 25 рублей на неделю. По тем временам это ничтожно, когда там один одессит по 10 рублей за обед платил, а я платил за неделю питания. Остальные шли на общежитие, профсоюз. Поэтому, я радовался, я был счастлив, что я был обеспечен этими деньгами. Потому что другая жизнь мне не была известна. Я жил в подвалах все время, я думал, что все так живут, оказывается, не все.

Евгений Дога

5

– Общежитие в подвалах? – продолжал я спрашивать.

– Кишинев на девяносто процентов был разрушен. И когда начинают: «Вот». Приходится и сегодня иногда слышать такие слова: «Вот, критикует русских». Ё-моё, ну идиоты! Причем тут русские или киргизы? Какая мне разница? Дело в том, что факт был такой, что мы жили, местные, в подвалах. Почему? Потому что приглашали специалистов из других регионов

Советского Союза. Те ставили условие, чтобы им дали квартиру. Без квартиры никто не ехал. Что, в подвал придет? Нет. В подвале мы жили, а они получали квартиры. То, что строилось, давали. И усматривать в этом: «Вот, против русских». Причем тут русские? Он был приглашен как специалист и получил квартиру. Это нормально. Ненормально, что мы в подвалах жили – это другой вопрос.

– Это Вы студентом жили в подвалах?

– Пока не женился, я жил в подвалах. И до сих пор масса аборигенов, будем называть. Я не думаю, что только в Кишиневе. Это везде. И в Воронеже такая же петрушка.

– Есть, живут.

– Такая же петрушка, потому что если приходит из деревни, слово «из села» буду избегать, приходит кто-нибудь в город, что ему сразу квартиру что ли дадут?

– Пока зацепишься, полжизни пройдет. А в Вашем родном селе церковь была?

– А как же! Была, а потом её во времена Никиты Хрущева разрушили. И до сих пор нет церкви.

– А до Никиты действовала?

– Конечно, всегда действовала. А потом нашелся специалист. Ну что вы, я помню эту церковь. Это целая эпоха связана с церковью в те времена. Потому что ходили с мамой и с бабушкой в церковь, и помню, когда она, с умыслом, конечно, становилась под иконы, где был нарисован ад: «Вот не будешь слушаться, сюда попадешь», – засмеялся. – Меня что-то не прельщало такое будущее.

– А Вы попали в то время, когда румынскому языку учили в школах?

– А как же! Тысячи лет говорили на родном языке, просто Сталин решил его назвать иначе. Румынская школа была, естественно. Потом ее называли молдавской. Спекулянты политические! Да, географически это молдавские, но этнически. Что же, от того, что говорят «мы казаки» или «мы сибиряки», они что не русские? Русские. А мы – молдаване, мы румыны.

– А церковь православная?

– Конечно.

– Её притесняли?

– Нет, но если разрушили церковь при Никите. А до войны работали комсомольцы, а как же, в тридцатые года: «А, вы что?!» Но

у нас в селе, слава Богу, видимо, не хватило силенок у комсомольцев. Это же агрессивные были. Жутко. Особенно, но тогда их не столько церкви интересовали, сколько люди, конкретные. Поэтому половина нашей семьи угодила в лагерь. Вот так мы о них по сей день не знаем ничего.

– По папе?

– По маме.

– А кто, братья, сестры?

– И сестры мамы, и брата единственного не стало.

– Они в одном селе с Вами жили?

– Да. Потому что главный мотив: родственники за рубежом. За Днестром. А что они установили границу? Это фигня какая-то. А это мотив серьезный, там статья особая была.

– Это в какие годы они угодили?

– В 32-м и 37-м. Сестер мамы в 32-м, первая волна была. А потом в 37-м брата уже. Поставили точку.

– Вы сказали о своих учителях. Библиотекаре, учителе музыки Бачинине. Они вкладывали в Вас знания. Вы босиком...

– Да, босиком я ходил на фортепиано, – засмеялся.

– Они расположились к Вам больше, чем к ученику?

– Думаю, что они не лишены были интуиции. У них был интерес. Они почувствовали интерес. Мы говорили об эхо и звуке. Видимо, был какой-то посыл, который они почувствовали. Меня интересовало это, они усекли быстро. Поэтому, если бы не было отзвука, вряд ли бы их заинтересовало. Я интересовался на самом деле. Мне было интересно всё.

– Папа до войны тоже в колхозе работал?

– Да, но я его очень редко видел, потому что он был бригадиром и все время в поле был. А летом, во всяком случае, на моей памяти, все время был на переподготовке, в военных лагерях, потому что очень мирная страна, – сказал с сарказмом. – Кстати, идиоты! Все восхищаются, а я никак не пойму. Ну, готовился к войне Сталин. Ну что дурака валять. Ну что мы ходим и сейчас носимся с его портретами. Он готовил эту мясорубку сам. Тот, то же самое, не дремал. Но тот, Гитлер, не просил сталинцев к себе в бюро и на заводы, а Сталин запросил. Во всех, кстати, и в Воронеже.

– Летчики учились у нас. Геринг в Липецке летал.

– Везде, так что для них напасть на СССР – это тьфу! Везде были немцы, они уже давно оккупировали.

6

– А папу когда забрали на фронт? – спросил я.

– В 1944-ом.

– Когда немцев прогнали?

– А когда он мог быть?

– А 41-ый?

– Какой 41-й?! Тогда ничего не было! Вот, там говорят... Я не видел ни одного отступающего советского солдата. Всех перебили их. Вот это мудрый, великий – он же разоружил как раз в это время армию, якобы на перевооружение. Был один пистолет на шесть офицеров, а все остальные: «Ура!». Перебили всех, никого не было.

– А в период оккупации колхоз сохранился?

– Да.

– Ну, стал госхозом.

– Да, был. Это удобная форма. А почему бы и нет. Кстати, это не худшая форма. Сейчас они иначе называются, коллективами. На Западе они все время были. Во Франции. В Италии. В Австрии я видел, в Германии. Коллективные хозяйства. Собираются. Что же он каждый, имея по шесть соток, будет комбайн покупать что ли? Поэтому, идиоты те, кто распустил эти колхозы. Надо было иначе. Убрать этих парторгов.

– Немцы и убрали парторгов и директоров, а госхоз остался, – я вспомнил оккупацию немцев в Великую Отечественную войну.

– Конечно.

– А как папа попал на фронт...

– Он был минометчиком. Навели на него и... До Венгрии дошел. Он был маленького роста, и минометное подразделение было. И разведчиком. Его в разведку пускали, так как он маленького роста. Должен был ползти. Ну, их засекли и... Рассказывали мне люди,

которые видели, как он погиб. Мины пустили на них, и всё. Разорвало на куски.

– Ну, там как-то это задокументировано?

– К великому сожалению, ничего, я до сих пор не имею никаких сведений. Абсолютно. Потому что все наши молдаване и все с Западной Украины, все, кого в 40-м году присоединили, все это были штрафники. Собственно, пушечное мясо.

– То есть погнали их...

– Без подготовки, без ничего, вот то, что у них было до войны, то и было. И так, к сожалению. Об этом пишут мало и так робко. Особенно последнее время столько патриотизма, такого напускного, все враги, все были, все не те, а вот они те, которые появились, молодчики, которые особенно 50-го года рождения и попозже.

– Мама где похоронена?

– У себя в селе.

– Там у Вас семейное захоронение?

– Да, рядом со своим мужем, моим отчимом.

– Вы были там?

– Мы посещаем каждый раз.

– Крест стоит?

– Сейчас всем кресты. Каменный крест.

– А в каком году мама ушла из жизни?

– В 1988-м. Ушла по глупости. Могла бы жить. В селе какая там... Порезала ножом на кухне палец, пошла гангрена. Вызвали укол

Дога с родственниками на кладбище в Мокре, 2016 год

сделать противостолбнячный. Медсестра была занята, она в хоре пела. Пока она пела, гангрена и покончила маму.

У великого музыканта так нелепо ушла из жизни мать. Это как-то не состыковывалось одно с другим: положение сына и запоздалая медицинская помощь.

Дога:

– Глупая смерть.

– Евгений Дмитриевич, еще вопрос: а есть ли у Вас фотографии, когда учились, детство, зрелой поры...

– В Интернете полно. У меня здесь и нет.

Видя, что теперь разговор уже заканчивается, я попросил:

– Евгений Дмитриевич, а можно мне на чем-то Вашем подписать, на память.

Дога встал и прошел к серванту и взял проспект и вернулся:

– Вот Вам.

Я взмолился:

– Подпишите.

Дога сел к журнальному столику, надел очки и подписал:

«Счастья и успехов

Вам, уважаемый Михаил.

Е. Дога»

Когда Дога писал, я спросил:

– Можно мне еще потом позвонить, через месяц, через два.

– Звоните.

Дога снял очки и положил на столик.

Дога подписывает проспект

Подал мне проспект, с обложки которого улыбался и тем самым дарил счастье композитор.

– Вот Вам, – отдал мне проспект.

– Спасибо большое, – проговорил я, выходя в коридор.

7

И не ожидал, когда Дога сказал:

– Раз принесли, идемте, чай попьем.

Он намекал на торт.

Мы оказались на кухне. У входа на стене висело вышитое панно с изображением Доги. Посередине стоял кухонный столик с ноутбуком, у стены шкаф с мойкой, микроволновкой и электрочайником, а в углу у окна «притулился» музыкальный инструмент.

Я в который раз поразился: все великое просто. Любому и не подумалось бы, за каким скромным инструментом, даже не сопоставимым своими размерами с роялем, органом, работал великий композитор.

Евгений Дмитриевич:

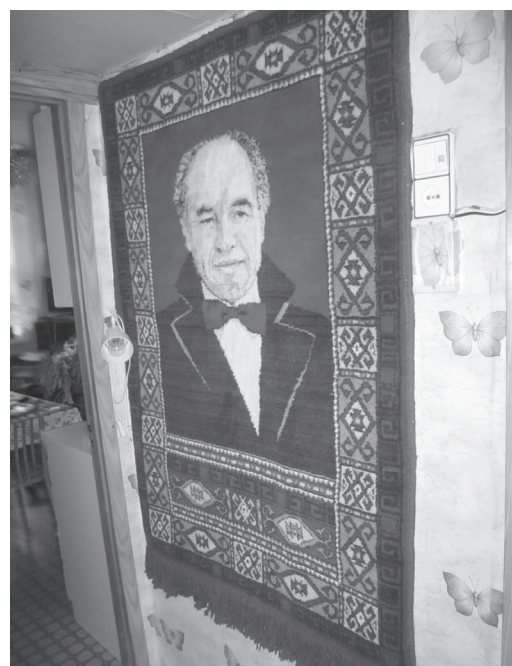
– Садитесь.

Я сел за столик.

Дога сам порезал торт на кусочки. Достал из шкафчика две чашечки и поставил на стол.

За чаем мы продолжили разговор.

– Евгений Дмитриевич, у Вас ведь тоже, наверно, не все просто, как Вы входили в

Панно

Кухонька

Дога у кухонного шкафа

музыкальную жизнь. Меня, например, давили, топтали, но меня поддержал Троепольский. Он сказал: «У тебя глаз есть». И это мне было путеводной звездой. Думаю, у Вас тоже такое было. Ведь Ломоносов не сразу стал Ломоносовым.

Дога:

– Я тоже не стал Ломоносовым еще. Мы засмеялись.

– Препятствия, они же неминуемы.

– Ну, у кого их не было. Чёрт их знает, – произнес Дога.

– В каждой среде свои тараканы. Если какой-то композитор видит, что мальчик поднимается. Не всякий возрадуется, а кого-то

это и заест. Вот приехал из Молдавии, и кому-то не по душе. Конкурент. Он входит на мою площадь, на мою территорию.

Дога положил в каждую чашечку по пакету чая:

– Будете с сахаром?

– Спасибо, я пью простой...

Дога залил кипятком, и мы ели торт и пили чай.

– А как же, масса пакостей. В Большом театре когда должен был балет идти, заплатили по тридцать рублей рабочим, чтобы подрезали веревки, на которых поднимаются декорации. И кто бы Вы думали это организовал? Придворный композитор секретаря ЦК Молдавии. Некий Лазарев, который там все время орудовал. Не знаю, то ли русский, но на самом деле не поймешь, насколько он русский. Подонок. А подонок не имеет национальности. И эти подрезали плохо, и веревки выдержали, – Дога засмеялся.

– То есть не упали!

– Не упали, – Дога смеялся. – Плохо сделали свое дело ребята. Поэтому, были, конечно. Я ни на одном пленуме, ни на одном съезде нигде не исполнялся. Поэтому всё это. А как же...

– А Вы когда об этом узнали? После рассказали?

– Да нет, я же знал. Во время спектакля. Затянулось просто на семь минут. Там барахтался, бедный. Потому что в первом отделении эти канаты выдержали, тогда они во втором отделении зашили брешь, через которую должен был главный герой пройти.

– Обалдеть!

– Но он там барахтался, барахтался семь минут, а тут действие. Приходят: Что же делать? Мотаются артисты в гримерной, – Дога засмеялся. – Ну а потом... Подонок. И где он?

– Где эти подонки, которые нам по ногам бьют?

– Люди ведь не знали. Но он был композитором номер один в Кишиневе. Потому что учил музыку дочек секретаря ЦК.

– Понятно, своя рука руку моет... А Вы были знакомы с таким композитором, как Георгий Свиридов?

– Нет. Видел его, а так, нет. Я – другое поколение.

– А с Шостаковичем?

– Видел, конечно. Он бывал у нас в Кишиневе пару раз. И один и другой, особенно, Свиридов, конечно, вот русак, по-настоящему! Глыбина. Шостакович – вихристый интеллигент. Где-то там. А этот в корнях весь, Свиридов. Касается – особенно его хоровые произведения потрясают.

8

– Евгений Дмитриевич, я был позавчера на юбилее «Нашего современника» в ЦДЛ, и там показывали фильм про Свиридова. И он такую вещь сказал о трагичном, что трагичное должно закончиться трагично. Что трагичное – оно импульс жизни. Что «попса», там глубины нет. И призывал: погрузитесь в великое. И попрет...

– Конечно, ему тоже не сладко приходилось, потому что вся эта московская элита в основном нерусского происхождения. Или русские только по паспорту. А на самом деле, что значит ты русский? Насыщенность должна быть. Конечно, они в паспорте русские. Сидя в Москве, он говорит о воронежском фольклоре.

– И пишет об этом... Евгений Дмитриевич, мама Ваша трудилась в колхозе. Но они же пели. Фильмы Довженко – поют.

– Они пели, я помню, когда возвращались с полей. Поздно уже, ночью, от зари до зари...

– И вставать в самую рань.

– А иначе нельзя было. Просто нормы страшные, если не выполнишь, четырнадцать лет тюрьмы. Срок был.

– Ужас.

– Два колоска в поле возьмешь, четырнадцать лет!

– Но это на самом деле?

– Все это было, и у вас то же самое. Но, тем не менее, они эти тяпки на плечи, веселые, возвращались, пели, шутили... Маме двадцать девять лет было.

– Жизнь-то идет! И попеть хочется! Можно сказать, что музыкальная культура, она в крови человека сидит? Мы не можем не петь. Мы не можем не слушать музыку...

– В крови работающего народа. Работающего народа, – подчеркнул Дога.

– А сельские люди без труда они просто не мыслят не просто там, а грех не работать. Не просто им кто-то вдолбил, а они верили в это, что грех не работать. Это позор, чтобы кто-то там сидел и ничего не делал.

– Это же великая вещь! Тебе божьи силы даны во имя чего, ты отдай!

– Кстати, так же, как и семейные узы, семья для нас, семья у нас – это святое дело.

– Абсолютно с Вами согласен, как юрист, который развел сотни людей.

– Просто позор, если кто-то разводился там. Просто позор на все село.

– А у нас некоторые адвокаты подталкивают: разводись, разводись. Им деньги то надо заработать, и вот на чужом несчастье.

– Провоцируют.

– Она еще не понимает, куда попала, а ее подталкивают. И пилим и делим имущество, рвем детей, жуть! Авторские права? Вот умер Гавриил Николаевич Троепольский, родня стала судиться из-за «Жигулей» и авторских прав.

– Кошмар какой-то...

– Троепольский – миротворец. А наследство? При жизни к нему приходили: «Гавриил Николаевич, может, что-нибудь отдадите в музей?» А он: «Да не волнуйтесь, Вам потом все отдадут». И думаете, отдали? Ни-че-го. Шиш...

Дога засмеялся.

– Родня все...

Дога с грустью:

– Родня... Помню, мама лежит в гробу. Я две ночи был с ней. Во-первых, я боюсь

Отчий дом Доги в Мокре

покойников, что-то они меня не любят. А мама. Сидел с мамой никакого ни страха, ничего. Все перевернулось. Для меня само «ма-ма», – произнес тихо и очень-очень душевно, – потрясающе.

– А дети поют «мама», «мама»...

Дога:

– Но в это время родня, это про родню, они, как крысы, растаскивали всё из дома. Мама в гробу, а они растаскивают. Кошмар какой-то. Как это безнравственно. Какой грех они на себя брали. Видят, что я сижу рядом с мамой, а они вот так на виду. Какая наглость...

– Есть люди, у которых имеется какая-то планка: он просто этого не сделает, – проговорил я.

9

И поделился другой своей болью:

– А что с судами? Вот бабушка подаст в суд иск, а закон требует, чтобы сразу все доказательства подала, бумажки, справки. Но разве она может знать, что подать? Какую-нибудь бумажку упустил. А когда проиграет дело, принесет бумажку, а у нее не примут, скажут, что ж вовремя не принесла. И вот получается, какую-то бумажку забыла или не знала, что нужно представить, а потом ее уже поздно. Ничего не вернешь. А почему так? Суды торопятся рассмотреть дело, им до качества, как до лампочки. И страдает кто? Простой человек. У которого на адвоката денег нет. И защищает нынешняя судебная система тех, кто может нанять толкового адвоката, что, кстати, не всегда... То есть, судебная власть у нас защищает богачей, а не простых людей.

– Человек не защищен... В этом авторском агентстве Федотов и мама руководят. Мама бухгалтер, он – президент. А я вижу, что-то ни фига не идут эти авторские. А он, Федотов, купил в Шотландии средневековый замок стоимостью в один миллион фунтов стерлингов!.. У Михалкова лафа, а мы знаем, с кем он пьет чай...

– Это ситуация страшная. Она отдает какой-то безысходностью. Все-таки наши дети должны выжить. Все-таки хрень взяток, автоматов должна закончиться...

– Метастаза...

Наши чашки опустели.

– Еще чаю будете?

– Что Вы, большое спасибо... Я сейчас помою...

– Не-не...

Дога встал и спросил про Панина:

– Он ходячий?

– Ходит с палочкой и под руку с кем-нибудь. Мы могли бы встречу провести, но что-то не срослось.

Я одевался.

Дога:

– А кто в отчем доме Панина живет? – спросил Дога.

– А Вы там были?

– Конечно...

Дом Паниных со двора в селе Хохол

– Младший брат... Старый дом, помните, под взгорком. В перспективе там бы музей сделать. И голова у Панина болит, куда квартиру, куда те реликвии, фотографии, картины, вазы. Его подруга в один прекрасный день приедет на «Камазе», и все канет в лету. Есть две сестры и брат. Делить как?

– Вначале погрызутся...

– Среди родни – это запросто. Меня сестра кинула... А насчет Людмилы, если на содержании определенное время, то тоже наследник...

– Надо ж оформить, ЗАГС...

– Нет, если на содержание, не нужно ЗАГСа. А Панин чисто по-человечески: пусть и Люда живет, и брат. А ведь он может завещание оставить,

и тайна завещания... Пусть думает. Раньше я к нему, он одно: «Миша, сценарий! Фильм горит». А теперь уже о том, как после меня...

– Все это да...

– У Василия Панина жизнь: съемки, поездки. Василий Песков – поездки, журналист... Какая семья?.. Евгений Дмитриевич, Вам здоровья. Мама Вам завещала, чтобы Вы жили и радовали нас...

Дога:

– Ладно, пишите, пишите. Посещайте нас. Звоните. Заявляйтесь, будете в Москве...

Я вышел.

Покинув подъезд, попросил проходившую девушку сфотографировать меня на фоне дома.

Оказалось, девушка, сфотографировавшая меня, участвовала в хоре детей «Крылатские козявки», которым руководил Евгений Дога

Я шел назад, в сторону торцом уходила высокая многоэтажка, в которой остался жить, писать музыку, радовать нас выходец из приднестровского села, сумевший покорить весь мир своим песнями и мелодиями.

Мне было тепло от радостных чувств, и мороз вовсе не мог охладить их.

Дом, в котором живет Дога

Приехав домой, я неделю мотался по адвокатским делам, изредка вспоминая про эссе о маме Доги, а когда в делах образовалось окно, я сел за компьютер. Скопировал с цифрового фотоаппарата файлы с фотографиями в компьютер и распечатал две странички из отснятой книжки. Стал читать.

«Не оставляйте матерей одних...» (Произведения для голоса и фортепиано), – по-новому и вместе с тем как-то по старому прочитались уже знакомые слова.

«Одних», – я прочитал.

Обычно я читал быстро, просматривая тексты абзацами, страницами, а тут я умерял свою прыть.

«Прошло уже столько лет с тех пор, как не стало мамы, но я и сегодня ощущаю на своих щеках тепло маминых губ, вижу ее воспаленные и увлажненные от радости глаза, ее теплые мягкие ручки, которые обнимали и нежно ласкали».

Вспомнилась моя мама, но на щеках не возникло ощущений, разве что каким-то слабым ветерком коснулось моих щек чье-то дуновение.

Теплом повеяло от первых строк.

«Не могу объяснить эту мою мощную связь с мамой или мамину со мной. Кто и что определило вещи таким образом, что она стала для меня истинной точкой опоры, наивысшим стимулом жизни и всего моего творчества? Я был для нее и наивысшим воплощением любви, смысла ее жизни».

Стимулом моей жизни моя мама как-то не была. Но сказать, что я не был смыслом ее жизни, значило покривить душой. Сколько она влила в меня тепла, душевности, может, и характера, и, в конце-то концов, я был ее плодом.

Многое тайлось за прочитанными строками. Некая физическая связь тонкой природы Евгения Доги и его мамы объяснялась чувствительностью природы композитора, которую я не замечал за многими и за собой.

«Она посвятила свою жизнь мне и для этого не жалела ни себя и ничего из своего скромного состояния, что бы получить хотя бы один килограмм кукурузы и таким образом спасти от голодной смерти меня и мою бабушку, её мать. Даже фамильный ковер, что получила она от своей мамы в качестве свадебного приданого, был обменен на какие-то крупы и ничего не стоящие послевоенные деньги. Но, благодаря ей, из голода мы выбрались, и я приехал в Кишинев учиться музыке».

Высшей степенью проявления преданности является безоглядная верность матери своему ребенку. Моя мама также жертвовала всем ради моего благополучия.

«Не знаю, почувствовала ли мама во мне будущего музыканта или нет, но она любила меня настолько, что по всей вероятности, Верховная Сила ее благословила, и она с облегчением и от всей души передала и мне свое благословение, оставив на моем челе несколько горячих слезинок и нежное, как не могла бы произнести даже волшебная скрипка Страдивари, пожелание мне стать Человеком. О, как это мудро, мама, милая мама!»

Любовь матери спасла паренька от голода, вытащила из села, выбросила на мировую орбиту, и он ответил матери любовью к людям всем своим творчеством. Фото мамы вместо иконы висит в квартире Евгения Дмитриевича. Она для него маленькая Богородица.

Моя мама тоже жертвовала всем, чтобы я стал человеком. Её портрет также вместо иконы висит на полочке над моим письменным столом.

«Я уверен, что если бы мама получила достойное образование, (она была вынуждена покинуть сельскохозяйственный техникум из-за страшнейшего голода и нищеты ее семьи), она могла бы стать заметной личностью. Она бы стала тем источником чистой животворной воды, который бы поил многих жаждущих вокруг нее людей. Хотя и без этого она была человеком мудрым, глубоким, добрым, бескорыстным, щедро одаривая своей добротой и человечностью всех, кто в этом нуждался».

Мама Евгения Дмитриевича, несмотря на нищету, голод, сеяла добро и тепло, наделяя

этим людей и своего сына. У людей богатых, зажиточных такого отношения не могло быть, а только у тех, кто едва сводил концы с концами. Им хватало мудрости не брать чужое, жить своим, делясь последним с тем, кто в этом нуждался.

Моя мама оказалась более удачливой, окончила институт, несколько курсов в другом институте, стала руководителем в одном монтажном тресте, о чем оставила о себе светлую память.

«Мама чаще всего говорила молча, ибо в её взгляде столько энергии, столько боли, столько любви, столько нежности, а иногда и упрёка, сколько не может вместить даже огромная Галактика, потому, что она сама космична и бесконечна».

Молчаливый разговор матерей, разговор без слов – это и есть тот поток неслышных звуков, который собирается в человеке, формируется, а потом выхлестывается из композитора мелодией, а у писателей – текстами.

«Она для нас – самый точный камертон жизни на всем ее протяжении. Я вспоминаю 1941 год, 22 июня, когда немецкие самолеты на маленькой высоте строчили из пулемета повсюду, что двигалось. Мама меня прикрыла собой, как будто она сама была пуленепроницаемой. Скорее всего, она об этом и не думала. Сработал инстинкт. Нет, она думала лишь об одном: спасти частицу себя – своего ребенка».

Мать защищает ребенка безоглядно, безрассудно, и в этом гарантия сохранения жизни на земле.

«Её жизнь прошла в сложнейших условиях, которые формулировали одновременно и ее характер. Её мама, моя бабушка Надя, что жила с нами в последние годы ее жизни, осталась вдовой в самом начале Первой мировой войны с шестью малолетними детьми. Моей маме еще предстояло родиться седьмым ребенком. А там революция и граница на Днестре, которая на долгие годы оторвала бабушку от родного дома, родителей, что на правом берегу этой несчастной реки. Колючая проволока и бравые пограничники не давали ей возможности хотя бы услышать голоса родных с противоположного

берега, узнать об их здоровье или о том, живы ли они еще. Да и ветер коварно разносил голоса на нейтральную полосу сверкающего под лучами солнца Днестра».

Жизнь...

«В тревоге проходили ночи этой семьи, главой которой была уроженка из Бессарабии, то есть из-за границы. То тут, то там проходили аресты и отправки невинных людей в неизвестные края Севера и Сибири. В одну из этих страшных ночей появились вооруженные люди в кожаных тужурках и в доме бабушки Нади. Они первого повалили на пол только что женившегося единственного мамина брата Петю и на глазах всей семьи связали, притоптывая несчастного ногами и прикладом ружья, и увезли навсегда, откуда не возвращаются никогда. До этого была репрессирована старшая сестра мамы, несколько ее теток и дядей».

Я все больше поражаюсь мысли, что на моей памяти не оставалось ни одной семьи, которую бы миновали страшные годы репрессий. Не обошли они и семью Доги. Опыт тех лет оказался той низкой точкой Тьмы, которой достигали трагичные ноты его произведений, чтобы потом оттолкнуться и устремиться к Свету.

«А тут опять война, потеря мужа в самом конце войны, вдовья жизнь в свои еще неполные тридцать лет на фоне страшнейшего голода, тифа и каторжного труда в колхозе. За пару собранных колосков или неисполнение в поле нормы грозила тюрьма до четырнадцати лет».

И это поселилось в певце счастья, света и солнца Евгении Доге!

«Помнится мне, как я ложился спать, а мама еще что-то делала по дому. А утром, когда просыпался, вижу маму опять на ногах с уже массой выполненной работы. И все такая же быстрая, энергичная и счастливая. Отчего же? Видимо оттого, что у неё есть спасенная ею мама и есть я. Да и сама живет. Что еще?! А я все спрашиваю себя, когда же спят наши мамы? Когда они отдыхают? Или им вообще не хочется спать?»

Счастье, которое источает Дога, есть счастье, посеянное в нем его мамой и политое ее же потом!

«Мама созидатель, творец. Она творит жизнь. Некоторые думают, что если они написали какой-нибудь стишок или песенку, то они уже великие творцы. Ну, вот Я, вот Я! А мама, которая тебя сотворила, подарила тебе жизнь, – она не творец? Да став мамой, какое творение она создала!

Мне порой кажется, что в меня имплантирована моя мама. Она совершила эту имплантацию еще в момент моего зачатия. Я чувствую это, я все время общаюсь с ней. Она же все время во мне присутствует».

Как Дога наполнен мамой!

Как он наполняется темой, образом, постигая их широту, самую глубину, чтобы потом вырваться оттуда и выплеснуться потоками музыки!

Так и писатель тонет в своей теме, а, утонув, спасется тем, что вынырнув, захлеб пишет.

«Мама – это нераспознанный мир, особый мир, подобно тому, что мы называем космическим пространством. Это бесконечная доброта и бесподобная нежность, глубина и величие, жертвенность и безмерная жажда жизни.

Мама есть творение Всевышнего, и, подобно Ему, она нас учила ходить, когда мы ещё это не умели, учила смеяться и грустить, учила любить все хорошее, что окружает, учила прощать и глубоко вдыхать в свою грудь аромат этого прекрасного неповторимого мира.

Мама – это бесконечность. Это сама жизнь. Это Женщина».

Мир композитора все больше воспринимался через мать. Существо, которое породило другое, а породив, учило жить, стремясь наделить человеческими качествами.

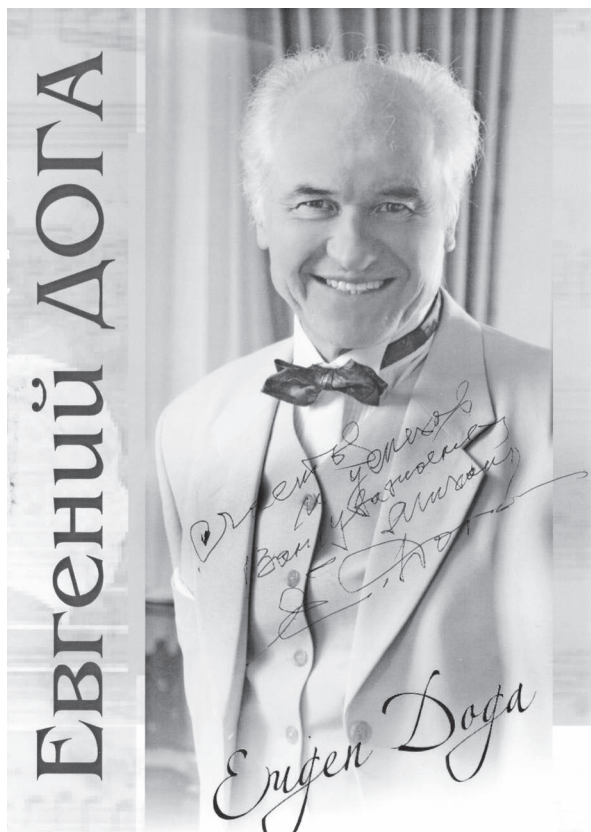
«Без нее мы бы не замечали восход и закат солнца, не слышали бы журчание пробегающего меж трав извилистого чистого ручейка, не смогли бы восхищаться силуэтом стройной и гордой лани, ни грацией и величием белых лебедей. Без нее бы мы не знали, что означает

то состояние, когда по твоему телу проходят мурашки, когда любовь тебя завораживает, когда она тебя подкупает и заставляет идти неизвестно куда и неизвестно как, когда хочется делать все и неизвестно что, когда ты теряешь равновесие и становишься воздушным, невесомым, беспомощным и всемогущим».

Космос Евгения Доги творился матерью, её откровениями сыну, её приобщением ребенка к прекрасному. Её любовью, и не как плотским чувством, а как огромной, всеохватной силой, способной покорить сердца всех людей на земле, которая, может, и начиналась со скамеечки в соседнем дворе, с ромашек на взгорке или лилий на речке. Любовью, звучащей вальсом под звон обручальных колец или криками малыша в коляске... Такою неохватной любовью и одарила мать своего сына, сумевшего переложить ее на музыкальные знаки в нотных тетрадах.

«Наши мамы расходуют себя, к сожалению, очень быстро. Они пропускают через себя наши заботы, они проживают в своих переживаниях и заботах нашу жизнь со всеми ее взлетами и падениями, радостями и горестями».

Проспект с дарственной надписью

И мне трудно было определить к чьей матери это относится, моей или Евгения Доги.

«Я не перестаю себя спрашивать: а что это за нация – мама?»

Мамы достойны величия хотя бы за то, что подарили жизнь. И это больше чем достаточно. Хотя что? Она и есть сама жизнь.

С уходом из жизни мамы я потерял Свет в своей музыке. Мне показалось, что мрак навсегда завладел мной, и лишь много лет спустя я вернулся к образу матери, той, что не сдавалась перед черными тучами, той, что смотрела вперед в направлении к Солнцу, той, что так любила жизнь и так страстно хотела научить верить и меня в эту любовь».

Потеря самого близкого человека оказалась тяжелым испытанием для композитора, преодолев которое, он острее ощутил величие матери. И теперь, оставшись без нее и с нею, страстно и бескомпромиссно боролся за жизнь в Любви.

«Мама была для меня тайной. С этой тайной она ушла в иной мир. В день моего рождения. Помню, как в Москве на очередном съезде композиторов кто-то подходит ко мне и тихо, путаясь в словах, сообщает на ухо, что позвонили из Кишинева и сообщили, что умерла моя мама. Я думаю, что медики-анатомы не смогли бы определить состояние не только нервной системы, но и перемещение в этот момент всех моих органов. К вечеру я уже прилетел в Кишинев. На улице бушевала снежная буря, которую не помнили даже выдавшие в своей жизни всякие зимы. Смотрю, а на фортепиано лежит листок бумаги с каким-то напечатанным стихотворением. Читаю и ужаснулся, – стихотворение на смерть мамы без подписи автора. Спрашиваю своих домашних: кто принес его. Никто не помнит, чтобы кто-нибудь принес что-нибудь подобное. По стилю узнаю автора, моего большого творческого соратника Григория Виеру».

Я не мог шелохнуться. Мне казалось, что во мне пульсирует каждая клетка.

«До утра, когда я собирался поехать в село Мокра к маме, было еще много времени, и я сел

за пианино. Сквозь слезы я еле-еле укладывал ноты на нотную бумагу. Это вылилось в песню-реквием, которую буквально через несколько дней блестяще исполнила замечательная певица Анастасия Лазарюк. Песню послушал и Г. Виеру. Я спросил его, как его стихи попали ко мне и именно в такой день? Он сказал, что не приносил мне эти стихи. Так ли?

Кто знает?! Загадка. Тайна.

Также и мама была для меня тайной. С этой тайной она и ушла в иной мир. Мир праведных».

У каждого наступает ужасный момент, когда нас покидает мама, и мы понимаем, насколько оскудели, оставшись один на один с окружающим миром, где нет главного оберегающего тебя существа.

Мне неистово захотелось, чтобы Евгений Дога подольше задержался в мире грешных, да бы продолжить петь свою песню о Любви.

«Я не могу вспомнить произнесенных когда-нибудь мамой слов “не могу”, “устала”, “отдохнуть”, “не хочу”. Хотя, конечно, она уставала, и хотелось ей хоть немного отдохнуть. Вот иногда она брала меня за руку и шла в село на жок, сельский танец. По дороге приходилось слышать ее гордые ответы на вопросы встречных, кто этот мальчик? Что это – её кавалер, её единственная надежда».

Ведь молодая вдова!

«Не знаю, насколько я оправдал её надежды, но думаю, что хоть немного восполнил те страшные мучения, которые пришлось ей испытать и, сидя на моих концертах в Кремлевском дворце съездов, в Большом театре СССР, в Кишиневе или в родном селе Мокра с Ленинградским оркестром под управлением выдающегося музыканта Анатолия Бадхена, она чувствовала себя счастливой, состоявшейся, гордой. Я видел яркие лучики света, гуляющие на набегающих слезинках из-под ее широко расставленных глаз. Это прибавляло и мне уверенности, и расширяло диапазон моей жизненной партитуры».

Все, что перенесла мать и ее сын вместе с нею и стало основой или, как выразился композитор, жизненной партитурой Евгения Доги.

«Не придумало еще человечество синонимов или каких-либо иных словесных аналогов или звуко сочетаний для передачи огромной глубины смысла и значения слова “мама”. На всех языках мира. У всех народов нашего огромного земного шара».

А как звучит: «ма-ма».

Дога вырос в Молдавии, еще мальчиком привык к русскому «ма-ма». По-румынски мама «ма-ма». У англичан «ма-зе». У немцев «му-тер». Ребенок зовет свою мать «ма», «ма». Произносятся первый слог. И этот призыв ребенка «ма», «ма» интернационален.

– Спасибо, Евгений Дмитриевич, за рассказ о маме, – тихо произнёс я, чувствуя, как мои глаза наполняются влагой.

10 января 2017 года

Композитор Евгений Дога

